

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

«АД ДАНТЕ»

Иллюстрации
ПАОЛО БАРБЬЕРИ

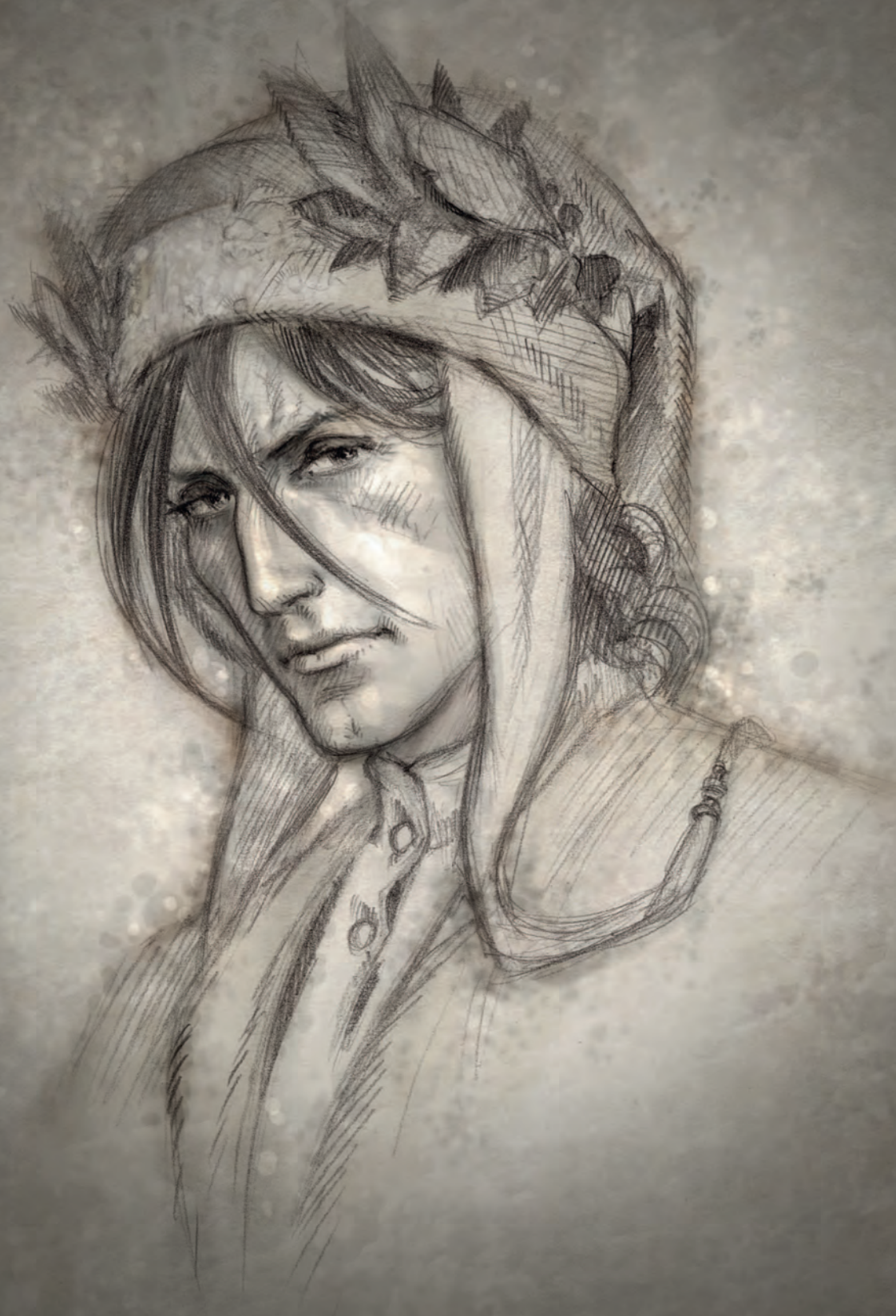

Издательство АСТ
Москва

ДАНТЕ АЛИГЪЕРИ

(Дуранте ди Алигъеро делѝ Алигъери)

ДАНТЕ В ДРЕМУЧЕМ ЛЕСУ

CANTO I, vv 1–12

*Когда-то я в годину зрелых лет
В дремучий лес зашел и заблудился.
Потерян был прямой и верный след...
Нет слов таких, чтоб ими я решился
Лес мрачный и угрюмый описать,
Где стыл мой мозг и ужас тайный длился:
Так даже смерть не может устрашать...
Но в том лесу, зловещей тьмой одетом,
Средь ужасов обрел я благодать.
Попал я в чащу дикую; нигде там
Я не нашел, объят каким-то сном,
Знакомого пути по всем приметам.*

БАРС, ЛЕВ, ВОЛЧИЦА

CANTO I, vv 31–54

*Я шел вперед, и вдруг навстречу мне
Явился барс, покрытый пестрой кожей
И с пятнами на выгнутой спине.
Я, как врасплох застигнутый прохожий,
Смотрю: с меня он не спускает глаз
С решимостью, на вызов мне похожей,
И заграждает путь, на нем ложась,
Так что я думать стал об отступлень.
На небе утро было в этот час.
Земля очнулась после пробужденья,
И плыло солнце в небе голубом,
То солнце, что во дни миротворенья
Зажглось впервые, встречено кругом
Сияньем звезд, с их ясным, кротким светом...
Ободренный веселым, светлым днем,
Румяным и торжественным рассветом,
Я выносил без страха барса гнев,
Но новый ужас ждал меня при этом:
Передо мной вдруг очутился лев.
Назад закинув голову, он гордо
Шел на меня: стоял я, присмирив.
Смотрел в глаза так алчно он и твердо,
Что я, как лист, затрепетал тогда;
Гляжу: за ним видна волчицы морда.
Она была до ужаса худа:
Ненасытимой жадностью, казалось,
Волчица подавляема всегда.
Уже не раз перед людьми являлась
Она, как гибель их... В меня она
Чудовищными взглядами вивалась.*

ВЕРГИЛИЙ

CANTO I, vv 61–87

С стремнины на стремнину вниз скользя,
Я человека встретил той порою.
Безмолвие собой изобразя,
Он словно так был приучен судьбою
К молчанию, что голос потерял.
Увидя незнакомца пред собою
В пустыне мертвой, громко я воззвал:
«Кто б ни был ты — живой иль привиденье, —
Спаси меня!» И призрак отвечал:
«Когда-то был живое я творенье;
Теперь перед тобой стоит мертвец.
Я в Мантуе рожден в одном селенье;
В Ломбардии жил прежде мой отец.
Жизнь начал я при Юлии и в Риме
В век Августа жил долго, наконец,
Когда богами ложными своими
Считали люди идолов. Тогда
Я был поэт, писал стихи и ими
Энея воспевал и те года,
Когда распались стены Илиона...
А ты зачем стремишься вниз сюда,
В обитель скорби, скрежета и стона?
Зачем с пути к жилищу вечных благ
Под благодатным блеском небосклона
Стремишься к тьме неудержимо так?
Иди вперед и не щади усилий!»
И, покраснев, ему я сделал знак
И спросил: «Ужели ты Вергилий,
Поэтов всех величие и свет?
Пусть о моем восторге и о силе
Моей любви к тебе, святой поэт,
Расскажет слабый труд мой и творенья
И то, что изучал я много лет
Великие твои произведения.

БЕАТРИЧЕ

CANTO II, vv 52–74

*...Средь призраков и ждал, когда решится
Над участью моею приговор,
Вдруг слышу — я не мог не удивиться, —
Святая дева в тихий разговор
Со мной вступила. Счастья не скрывая,
Я деве покорился с этих пор.
Как звезды неба нежили, сверкая,
Ее глаза, и голос так звучал,
Как пенье херувимов в царстве Рая:
«О, ты поэт, чей гений засиял
И будет жить до разрушенья света,
Иди! На крутизне пустынных скал
Мой друг ждет и опоры и совета,
Препятствиями страшными смущен.
Иль для него погибло все? Ответа
Я буду ждать: он будет ли спасен?
Иди к нему, и силой строгой речи
Да будет от беды избавлен он.
Мне имя — Беатриче; издалече
Явилась я. Меня любовь вела,
Моя любовь с тобой искала встречи:
Я помощи твоей с мольбой ждала.
В обитель Бога скоро я предстану
И там, где гибнет всякая хула,
Тебя я славословить громко стану...»
И Беатриче смолкла. Я сказал:
«Клянусь, тебе служить я не устану!..»*

ВРАТА ТАРТАРА

CANTO III, vv 1–15

*«За мной — мир слез, страданий и мучений,
За мною — скорбь без грани, без конца,
За мной — мир падших душ и привидений.
Я — правосудье высшего Творца,
Могущества и мудрости создание,
Творение Небесного Отца,
Воздвигнутое раньше мирозданья.
Передо мной — прошел столетий след,
Удел мой — вечность, вечность наказанья,
За мной ни для кого надежды нет!»
Над входом в Тартар надпись та чернела.
Я страшные слова прочел. «Поэт,
Смысл этих слов, — воскликнул я несмело, —
Наводит страх!» Вергилий угадал,
Что сердце у меня оледенело.
«Здесь места страху нет, — он отвечал. —
Мы подошли к обители печали
Тех падших душ, — Вергилий продолжал, —
Что на земле безумцами блуждали».*

